

ПЕСЕННАЯ КУЛЬТУРА: МНОГОГРАННОСТЬ ТРАДИЦИИ

УДК 398
ББК 82.3(2)

Номинация персонажей в частушке

Клара Евгеньевна Корепова

(Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского: Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23)

Аннотация. Частушка — лирическая миниатюра. Малая форма ведет к концентрации поэтического содержания, нагруженности поэтического слова. Феномен частушки как миниатюры на всех уровнях жанра еще не осмыслен. В данной работе проблема рассматривается на уровне лексики.

Семантика наименований в частушке диктуется лирическим характером жанра и тем, что частушка отражает межличностные отношения молодых людей в предбрачный период их жизни. Номинанты в ней отражают не только лицо, но еще и содержат частично его характеристику и эмоциональный элемент. Способы номинации и грамматические средства определяются малой формой жанра.

Наименование персонажа-возлюбленного выражается существительным, обозначающим лицо, с семантикой «любимый», или лексемой, не содержащей семантику лица, но окказионально заменяющей лицо, являющейся метафорой или метонимией и синекдохой, представленными существительными, чаще субстантиватами. Метонимические замены всегда предполагают эллипс, т. е. усечение текста. В работе предлагается классификация данных номинант по способу отражения взаимоотношений персонажей. Выделение в ней семантических групп позволило сделать предположения относительно этимологии некоторых из них. Поскольку частушка преимущественно монолог, номинация лирического героя для нее нехарактерна и присутствует только там, где герой презентует себя. Самопрезентация выражается местоимением «я» и насыщается дополнительной информацией о принадлежности к половозрастной и социальной группе, для чего используется соответствующая песенная лексика («девица», «молодец»), но другого стилистического плана: «парень», «девушка» и (или) «мальчик», «девочка». Она, возникнув вне жанра, не наделена дополнительным содержанием и, возможно, поэтому вызвала потребность в большом количестве уточняющих определений. При использовании эпитетов не происходит экономии площади, как при субстантивации, способ концентрации содержания здесь иной.

Сходным образом даются номинанты второстепенным персонажам.

Ключевые слова: лирическая миниатюра, частушка, персонаж, номинация, семантическая нагруженность лексики.

Дата поступления статьи: 23 октября 2024 г.

Дата публикации: 25 марта 2025 г.

Для цитирования: Корепова К. Е. Номинация персонажей в частушке // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 1. С. 11–26.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.1.001>

Частушка — лирическая миниатюра. Типичная ее форма — 4 строки, вмещающих 10–12 слов (без предлогов и союзов). Частушечный стих содержит самое большее 32 слога. Поэтическая площадь ее, а точнее, п л о щ а д к а, как выразился один исследователь [Квятковский 1962, 116] — всего лишь «пятячок». Отсюда в частушке огромная концентрация поэтического содержания, нагруженность поэтического слова. Малая форма определяет всю природу частушки: отбор фактов для изображения, способ изображения, все элементы формы, включая речевую сторону текста.

Все, писавшие о частушке, упоминают о ее малой форме, при изучении поэтики указывают некоторые художественные приемы, порожденные малой формой. Но феномен частушки как миниатюры на всех уровнях жанра и в целом как система еще не осмыслен¹. С учетом малой формы рассмотрен и объяснен лишь стих частушки [Там же], все остальное еще ждет исследования, идет накопление фактов для обобщения.

В данной работе проблема поэтической нагруженности текста по причине малой его формы рассматривается на уровне лексики и в этой области исследуется номинация персонажей².

Номинация персонажей в частушке определяется спецификой жанра. Семантика наименований диктуется лирическим характером жанра и тем, что частушка принадлежит молодежной культуре, она отражает межличностные отношения молодых людей в предбрачный период их жизни. Перипетии любовных отношений — ее содержание, оно отразилось в номинации. Так, все наименования главного героя сводятся к одному понятию — *возлюбленный*, представ-

ленному с разных позиций и разными гранями содержания. Способы номинации и грамматические средства диктуются малой формой жанра.

Номинация одного из главных персонажей — *возлюбленного(ой)* — уже исследовалась, преимущественно лингвистами [Гурская 2009; Климова 2013а, 2013б; Приходько 2014; Судаков 2016]. Их выводы представляют интерес для фольклористов и нуждаются в фольклористической интерпретации. Лингвистический анализ названий любимого человека позволил установить «преобладание в их семантической структуре оценочного компонента над простым называнием» [Судаков 2016, 112]. На материале ярославских говоров это показала С. Л. Гурская [Гурская 2009, 171], нижегородских — Л. А. Климова [Климова 2013а, 96], вологодских первой половины XX в. — Г. В. Судаков [Судаков 2016, 112]. Приемы усиления эмоциональности наименований описаны в работах Л. А. Климовой [Климова 2013а, 96]. Исследование привело к установлению одного из способов усиления поэтической нагрузки в тексте. Было показано, что наименования в частушке при малом текстовом пространстве берут на себя часть общей поэтической задачи — характеристику персонажа и выражение отношения лирического героя (адресанта речи или повествователя) к нему: «...названия любимого человека играют доминирующую роль в выражении и оформлении темы сообщения» [Судаков 2016, 118].

Заслуживают внимания как семантика, так и способы номинации. Их несколько.

1. Наименование персонажа выражается существительным, обозначающим лицо, с семантикой *любимый*, *возлюбленный*. Некоторые из этих наименований-существительных устойчивы, являются

¹ О постановке проблемы и некоторых моментах ее решения см.: [Горелов 1965].

² Источниками для исследования послужили два крупных собрания частушек [Елеонская 1914; Тимин], содержащие в общей сложности около 15 000 текстов, представляющих один хронологический срез в истории жанра (первая треть XX в.). Дополнительно привлекалась антология жанра [БРФ], включающая также записи последующих лет. Первый сборник дает частушку в широком территориальном охвате (27 губерний), второй является «неотфильтрованным» собранием, потому надежным источником при рассмотрении степени распространенности и получении статистических данных.

узуальными, своего рода поэтическими терминами, территориально распределенными, но, как правило, встречающимися в разных пропорциях в каждой традиции: *дроля, ягодинка, залетка, миленок, матаня*. Есть более локальные или реже употребляющиеся: *любушка, пряточка, зазноба, забава, духаня, симпатейка, жадоба, шара, шура* и т. д. У некоторых внутренняя форма прозрачна и соответствует их значению (*миленок, любушка, пряточка, симпатейка* и т. д.), у других она требует пояснения (*ягодинка, залетка, зазноба* и т. п.), этимология некоторых до сих пор остается нераскрытой (*матаня, дроля, шара*). Последние, вероятно, принадлежат к ранним, возникли на диалектной почве и в семантике отражали какую-либо связь с любовными отношениями.

Большинство наименований данной группы содержат отмеченный лингвистами «оценочный элемент».

2. Более многочисленную группу составляют наименования, не содержащие семантику лица, но окказионально заменяющие лицо и поэтому получающие новое дополнительное значение. Замена в этом случае бывает *м е т а ф о р и ч е с к а я*: *цветочек, малиночка, розочка, ягодка, земляничинка* и т. п., перечень см. также: [Кретьева 1978, 83]. Метафора выражается существительным, которое иногда сопровождается определением — эпитетом: «*Посидим последний вечер, / З е м л я н и ч и н к а м о я ...*» [Елеонская 1914, № 5772]; «*Дорогашенька, не сохни, / Ц в е т о к а л е н ь к и й, не вянь!..*» [БРФ, № 4055].

Другой вид замен в номинации — эллиптическая субстантивация, лежащая в основе приема *метонимии* и ее разновидностей *синекдохи*. Субстантивируется обычно прилагательное или причастие. Широко распространены наименования-субстантиваты: *милый(ая), желанный(а), (рас-)хороший(ая), ненаглядный(ая), дорогой(ая), заветный(ая), любóй, фартовый(ая), чернобровый(ая), черноглазый(ая)* и т. п. В сборнике Елеонской,

кроме названных, встречаются также *развеселый, усатенький, кудрявенький, супротивный, курносая, крутолобая*, но они не являются массовыми и отмечены лишь в отдельных текстах. Список редко встречающихся можно дополнить примерами окказиональных из нижегородской традиции: *верная/неверная, (моя) бедная, губастая, унылый, характерный, чужестранный*.

В частушках, представляющих бытовой разговор, иногда субстантивируется собирательное числительное и притяжательное местоимение:

Подруженька, идут двое —
Эт, наверно, *твой* и *мой*.
Твой в сатиновой рубашке,
Мой, наверно, в голубой
[Тимин, № 961].

Что, ребята, ходите,
А *мowo* не водите?
Али дома его нету,
Али не заходите?
[Там же, № 956].

Задушевная товарочка,
Не *наши* ли идут?..
[БРФ, № 1468].

Метафорические и метонимические замены, всегда предполагающие эллипс, т. е. усечение, сжатие текста, в частушках часты. Это один из самых распространенных способов концентрации содержания на малой площади. Есть тексты, целиком построенные на заменах, или в них замен несколько:

Мое сердце завлекла
Черная папахa,
Сердце режет без ножа
Синяя рубаха
[Елеонская 1914, № 5644].

Меня мамынька ругала
В поле на полосыньке,
Она за *черные глаза*,
За *русые волосыньки*
[БРФ, № 60].

Роль метафоры и метонимии с синекдохой в частушке многократно исследовалась фольклористами [Лазутин 1960, 238; Горелов 1965, 13; Кулагина 2000, 133–239]. Рассматривались в основном предметные детали внешнего вида (*серы глазки, кудри*), костюма (*сера кепочка, гимнастерка* и т. п.) и вещи, связанные с героем (*гармонь*), выступающие в качестве замены лица. Меньше внимания обращалось на качества, а именно они в силу лирического характера частушки составляют значительный пласт среди наименований.

Наименования-субстантиваты берут на себя двойную нагрузку: они приобретают общее значение — *возлюбленный(ая)*, сохраняя свою исконную семантику, иногда в ослабленной степени:

Где с желанной расставался,
Ручечки слез текли
[Тимин, № 3486].

Неужели чернوبرова
Не вспомянет про меня?
[Елеонская 1914, № 1895].

Если исконная семантика лексемы оказывается отчасти стерта, возникает подтекст, расширяя содержание текста. Так, в частушке «*Ах, конь вороной, / Сбруя медная! / Садись, прокачу, / Моя бедная!*» [Тимин, № 3146] прилагательное *бедная* субстантивировано и обозначает *возлюбленную*, а первоначальное значение его («вызывающий сострадание, сочувствие, достойный сожаления; несчастный» [Ефремова 2000, 2 прил., 2, знач. 3 перен.] не раскрыто, и почему здесь героиня-возлюбленная *бедная*, становится загадкой. Обозначаемое субстантиватом качество может приходить в противоречие с приобретенным значением — *возлюбленный, любимый*, и характеристика в этом случае получает еще более широкий смысл, поэтическая нагрузка номинанта усиливается. Например:

Мы пойдемте в тот конец
По каменной дорожке;

Не растворит ли проклята́
Распашны окошки?
[Зеленин 1905, № 306].

Лексема *проклята* имеет негативную оценку, но в тексте как субстантиват она является метонимической заменой героини и получает значение *любимая*, т. е. соединяет в себе две противоположные оценки и позволяет передать сложность чувства лирического героя: любовь, досаду, возможно, обиду и все равно любовь.

Особо художественно нагруженными бывают субстантиваты и отглагольные существительные, окказионально употребляемые: «*Ты не стой на распашионку, / Нам алёвочка моя; Не зачесывай зачесы, / Круто лобая моя...*» [Елеонская 1914, № 3738]; «*...Не надейся ты, курносая, / На совесть на мою*» [Там же, № 3846].

Круг наименований героя в частушке по сравнению с традиционной песней широк, что отмечают и лингвисты. С. Л. Гурская среди ярославских частушек назвала 14 наименований любимого (без дериватов), притом в ограниченной группе — лексем общего рода [Гурская 2009, 171]. Л. А. Климкова, говоря о названиях возлюбленного в нижегородских говорах и частушках, отмечает, что «ряд таких номинант довольно объемный» [Климкова 2013б, 28], и в таблице распределения по родам приводит 15 лексем, не считая вариантов одного корня (с учетом вариантов их 50). Приведем дополнительные данные. В сборнике под редакцией Е. Н. Елеонской во вспомогательном указателе приводится 16 обозначений *любимого* [Елеонская 1914, 527–531], хотя даны в нем лишь наименования, выраженные «местными» (диалектными) словами, и в счет не приняты образованные от общерусской лексемы *милый*, например, *миленок*, а они многочисленны, не вошли в список также лексические варианты (дериваты) приведенных и субстантиваты.

Фонд наименований разрастается за счет дериватов каждого, придающих тексту особую эмоциональную нагрузку, например: *залёт* — *залёточка* — *залётный*;

симпатия — симпатия — симпатёя — симпатейка — симпатка — симпатё-рочка; душечка — раздушечка — духан — духаня — духанюшка; матань — матаня — матанёк; дорогая — дорожинка; кровочка — кровиночка; забава — забавница; родный — родимый — родняши; желанный(ая) — разжеланненький — желанница — желанка — (мое) желание и т. д.

...Где с желанной расставались,
Ручеёчки слез текли
[Тимин, № 3486].

Не носи, мой разжеланненький,
Широкого ремня...
[БРФ, № 116].

Кто-то с горочки идет,
Идет мое желание...
[Тимин, № 2457].

— Милый мой, пойдем домой.
— Пойдем, моя желанница...
[Тимин, № 1468].

...Мы с подругою несчастны,
Не придут желанки к нам
[Елеонская 1914, № 2990].

Мы с товарищем гуляли,
Вот и догулялись:
Наших шуток выдали,
А мы не догадались
[Тимин, № 3775].

Ты, забавочка моя,
Во любви ли мальчик я?..
[БРФ, № 3119].

Не тужу я, не горюю:
Отбивайте мою гулю
[Елеонская 1914, № 4028].

По тоненькой тесиночки
Ходил к жадобе в сенички,
По тоненькой еловенькой
К жадобе чернобровенькой
[Зеленин 1905, № 54].

Особенно многочисленны и выразительны номинативные образования с корнем *мил-*: *мил, миленок/милёнка, миленочек, милóчек, милачóк, миляш, милаш(ечк)а, (с)помилаша, милка, мýла, милочка, милок, мýлушка, милеюшка, милаха, милёная, миланя* и пр. Многие наименования имеют оценочные градирующие варианты: *дроля — дролечка — дролька, приятка — приятушк(очк)а, дорогая — дорожиночка — дорожинка* и т. п. (о роли при номинации деминутивной лексики, лексики с уменьшительно-ласкательным значением см.: [Климкова 2013а, 96]). Некоторые наименования имеют в своем составе однокоренные эпитеты: *милый миленочек, милая милёна(я)*.

Многочисленность наименований в частушке — следствие характерной для жанра индивидуализации персонажей и их чувств. Но при многочисленности наименований и сравнительной легкости умножения их фонда в частушке действует и некоторый механизм ограничения. Так, используется часто общее наименование независимо от гендерной принадлежности персонажа.

Выходила на крылечко
И смотрела на туман:
Интересно было слушать,
Как мой шура припевал
[Тимин, № 494].

Забава ленту опоясал
Вокруг сердца моего...
[БРФ, № 3213].

Провожал гуля до пруду,
Клялся Богом: «Любить буду»
[Елеонская 1914, № 3999].

Проводила жадобиночку,
Не думала тоснуть.
Только ноченьки дождалася,
Мне, девчонки, не заснуть
[Елеонская 1914, № 515].

Применение одного наименования к лицам разного пола оказывается воз-

можным, поскольку в частушках обычно используются для номинации существи-

тельные с окончанием *-а(-я)*, общего рода: *дроля, залетка, ягодинка, матаня, гуля, духаня, забава, зазноба, пряточка, сухота, завлекаша* и т. п. Исключение составляют некоторые с корнем *-мил-*: *миляш*, но *милаша, милёнок*, но *милка*, — хотя последние в паре, имея окончание *-а*, могут употребляться и в мужском роде:

Встань-ка, маменька, пораньше,
Взгляни время на часах.
Шесть часов, седьмой в начале...
Мою милку повенчали
[Тимин, № 3655].

Милка спит, тихонько дышит.
Я целую, он не слышит
[Елеонская 1914, № 5132].

В общий род в частушке переходят иногда даже наименования на *-а(-я)*, первоначально связанные с мужским полом, например, *з а л ё т к а*: «*А я в Ливенку дороженьку / Не хаю, не хвалю: / Полюбил я там залеточку / На самом на краю*» [Тимин, № 3229]. Наименование *прихехе*, обычно мужского рода, иногда употребляется применительно к девушке: «*П р и х е х е н ь к а Всеволод / Приморозил у ворот* [БРФ, № 2791], но «...*Это что за п р и х е х е н ь к а, / Что за окаянная?*» [Там же, № 3221].

Многочисленность существительных общего рода среди наименований *возлюбленного* и широкое использование их отмечено лингвистами. Выразительные данные приведены Л. А. Климковой. В таблице, где наименования представлены по родам, лексем женского рода 8, мужского — 17, а общего — 25 [Климкова 2013б, 29].

Общее наименование, вносящее некоторое ограничение в фонд номинантов, диктуется природой фольклора: в коллективном творчестве индивидуализация не может быть безгранична и непременно имеет пределы. Вероятно, вносятся коррективы в творчество, создается баланс между новой тенденцией и традицией, достигается между ними гармония.

Поскольку наименования *возлюбленного* в частушке многочисленны, есть потребность в их классификации. Она предложена В. Г. Судаковым [Судаков 2016]. По словам автора, классификация составлена «с учетом семантики» наименований и принимая во внимание то, что «любовные частушки воспроизводят всю драматургию развития любовного чувства» [Там же, 113]. В результате выделены 6 групп, содержащих названия: 1) «выражающие любовь как чувство сильного сердечного влечения...» (*дроля, милёнок* и др.); 2—4) «оценку физических данных» (*ненаглядный, ягодинка* и др.), «духовных качеств» (*голубь, душечка, хороший* и т. д.); «иных качеств, значащих для любящего» (*дорогой, кровочка* и т. п.); 5) «названия, характеризующие силу переживания любящего» (*зазноба, пряточка* и др.); 6) «связанные с игровыми переживаниями» (*игровый, забава* и др.) [Там же]. Нам представляется, что в классификации не строго выдерживается логика деления, неслучайно некоторые наименования попадают в несколько разделов, например, *ненаглядный* учтен в пунктах 2 и 5. На наш взгляд, при классификации важно учесть в первую очередь лирический характер жанра, обязательно эмоциональную составляющую наименований и художественную форму, поэтому предлагаем в основу классификации положить способ отражения в номинации взаимоотношений персонажей, тогда деление на группы может быть следующим:

1. Наименования, выделяющие героя из определенного ряда и выражающие особое **отношение лирического героя** к нему. Их большинство. Они представлены синонимами-существительными с общей семантикой *лю б и м ы й / лю б и м а я*: *милёнок, любушка, симпатия, пряточка, жадоба, жадобиночка*³ и субстантиватами: *милый, желанный* и т. п. — все с дериватами.

Некоторые в этой группе имеют более общее значение — *д о р о г о й*, они

³ От глагола *жадѣть* — нетерпеливо хотеть, ожидать. Желанный, милый, любимый, любезный, родимый [Даль, *жадать*].

отмечают душевную близость и не фиксируют отношения любовные. Это существительные: *дружок*, субстантиваты *родной*, *хороший* (обычно *мой хороший*) и наименования, образованные с помощью метонимии: *духана*, *душа*, *(раз)душка*, *кров(ин)очка*.

К этому разделу можно отнести наименования, в том числе окказиональные, отмечающие какую-либо черту личности в портрете, характере и т. п. и отражающие общее положительное отношение (*кудрявенький*, *чернобровый*, *большой*, *бедна*, *характерный* и т. п.), метонимические замены типа *серы глазки*, *черные фуражки* и замены-метафоры (*цветочек*, *розочка* и т. п.).

2. Некоторые наименования восходят к концепту *любовь*, *любовные отношения* через метафоризацию понятий и показывают **состояние влюбленного человека**. В народной культуре любовь, особенно страстная, ассоциируется с болезнью [Кулагина 2000, 155–170]. Представление передалось частушке по традиции и нашло выражение в ней как на сюжетном, так и на речевом уровне. В частушках девушку/парня привозят в больницу лечиться, оказывается, что она или он влюблены; она в аптеке просит лекарства от любви; влюбленные выглядят как больные (бледные, похудели-высохли) и т. д. На речевом уровне состояние влюбленности часто передается словами и выражениями, характерными для описания болезни: в частушках увлечь — *заразить*: «Подарил милый колечко, / *З а р а з и л мое сердечко...*» [Елеонская 1914, № 5546]; «...*Лет семнадцати девчонка / Парнем з а р а ж е н н а я*» [Тимин, № 336]; о влюбленном говорят, что у него сердце *з а р а ж е н н о е*: «...*Каково будет расстаться / Сердцу з а р а ж е н н о м у?*» [Там же, № 1925]; «...*Мое бедное сердечко / Милкой з а р а ж е н н о е*» [Там же, № 3101]. Состояние влюбленности передается через такие проявления болезни,

как озноб, жар, похудение, отсюда полюбить — *о з н о б и т ь*, *з а з н о б и т ь*: «*З а з н о б и л а я сердечко / На семнадцатом году*» [Там же, № 333], заставить страдать от любви — *в ы с у ш и т ь*⁴. С этой метафорой связаны наименования возлюбленного(ой) — *засноба*, *засоха/засуха*, *сухота*, а также *боля*, *страдатель*. Содержание их опять же шире, чем номинация персонажа.

3. Есть наименования, которые имеют значение «**участник любовных отношений**»: *ухажер*, *гуля* от глагола *гулять*, который в разговорном языке имеет переносное значение: «находиться с кем-либо в близких отношениях» [Ефремова 2000, *гулять*, разг. знач. III 3], *игральщик*, *игрóвый*, *заниматель*, *утеха*. Близкую семантику, по всей видимости, имеют наименования *затейница*, *забава*, *забавница*, *забавушка*, *забавочка*. Все глаголы, от которых образованы данные наименования, означают отношения свободные, игровые, иногда осуждаемые: одно из переносных значений глагола *гулять* — «вести распутный образ жизни» [Там же], отсюда *гулящая* женщина, *нагуленный*, т. е. незаконнорожденный ребенок; несерьезность отношений подразумевает глагол *забавляться* (ср. позабавился и бросил).

Непостоянство в отношениях входит в семантику еще ряда терминов. Это значение, по крайней мере в этимологии, имеет широко распространенный термин *залётка*. *Залётный* — прилетевший откуда-либо, обычно *случайно* и *ненадолго* [Ефремова 2000, *залетный*]. См. об этом: [Некрылова 2025]. Возможно, непостоянство отношений включал в этимологии и термин *матаня*. Обычно отмечается неясность его происхождения, иногда его связывают с мордовским *ухажер*, см. об этом: [Климкова 20136]. Т. А. Бернштам предполагала, что наименование могло восходить к «мата» (от слова «мать»): в Смоленской и Воронежской областях так называли себя

⁴ Ср. в традиционной лирической песне: «...ай, *з а з н о б и л-то парень у меня сердце... эй сердечушко, / <...> Он-то с п о в ы с у ш и л меня, сповы... э-ой сповыкрушил...*» [Традиционная культура Усть-Цильмы, № 61].

женщины и девушки [Бернштам 1988, 34–35]. Мы воспринимаем *матаня* как отражение на письме устного произношения в акающем говоре и предполагаем, что существительное могло быть связано с глаголом *мотаться*, быть родственно слову *мотушка*, одно из значений которого — «ветренный, непостоянный человек» [Даль, *мотать*]⁵. Ранее это предположение уже высказывалось, но вызвало возражение Л. А. Климовой: «В обыденном сознании носителей некоторых говоров происходит сближение слова *матаня* с глаголом *мотаться* в переносном значении “бегать, мотаться от одной (одного) к другой (другому)”». <...> Однако произношение наименования *матаня* с (а) в первой позиции в нижегородских даже окающих говорах отделяет его от названного глагола», — пишет она [Климова 2013б, 32]⁶.

Попутно Л. А. Климова высказала принципиально важное предостережение, которое необходимо иметь в виду при возведении наименований к глаголу и проявлять осторожность. Согласившись, что соотносительность ряда наименований с глаголами в значении «любить», «влюбляться» очевидна, она справедливо заметила: «...правда, здесь встает вопрос о направлении соотносительности, производности, мотивации...» [Там же], т. е. может не быть ясности, что именно в паре *существительное* — *глагол* является первичным. Так, среди приведенных ею примеров в паре *малиночка* — *малиниться* глагол, на наш взгляд, бесспорно, вторичен. Мы отнесли бы к вторичным и *матаниться*: («...Довольно *п о м а т а н и л а с ь / я с тобой, м а т а н е ч к а*» [Тимин, № 2506]; «*Я матаню заматаю и повешу на плетень...*» [БРФ, № 4629]), особенно учиты-

вая распространенную в частушке игру словом, в том числе образование одно-коренных пар из слов разных частей речи (см. примеры в работе Л. А. Климовой: «*Говорят, я боевая, / Так и надо боевить*»; «*Сербиянка, сербиянка, / Всё бы сербиянила...*» [Климова 2013а, 96]); выразительные примеры, приведенные А. А. Гореловым: «*Завлекаши здесь не наши, / Завлекают уж не нас; и Где ключи ключились?*» [Горелов 1965, 15], а также: «*Ах, засуха, ты засуха, / Засушила ты меня*» [Елеонская 1914, № 4523]; «*Ты, забава, ты, забава, / Ты зачем забавила?*» [БРФ, № 3236]; «*Вересиночка моя, / Где ты вересилась?*» [Там же, № 3945, 55]; «*Гоноболинка моя, / Где ты гоноболиться?*» [Колпакова 1966, 269].

С наименованиями, в семантике которых содержится признак непостоянства, мы сблизили бы отмеченное в начале века в новгородской традиции название милого *шара*, *шарочка*, которое могло восходить к глаголу *шарить*, имеющему одно из значений «упорно искать» [Ефремова 2000, *шарить* знач. 2], а основное — «искать, обычно ощупью» [Там же, знач. 1], т. е. вслепую, перебирая предметы, что могло восприниматься и в переносном значении.

Рискнем предположить, что уменьшительное имя *шура*, *шурочка*, как нарицательное со значением *милый, любимый*, распространенное в ряде областей (в сборнике Елеонской представленное в Новгородской, Тверской, Костромской, Владимирской, Тамбовской, добавим: есть в Нижегородской), в частушках могло быть вторичным и происходить не от полного Александр(а), а быть искажением непонятого *шарочка* при заимствовании. Оно, в отличие от других, не несет дополнительной семантической нагрузки,

⁵ У Даля одно из значений глагола *мотать* «махать, вертеть» [Даль, *мотать*]. В частушке для обозначения лиц, не отличающихся постоянством в любовных отношениях, используются лексемы: *верчена* [Тимин, № 3492], дряля *вертоватый* [БРФ, № 3825], он в любви *вертоват* [Тимин, № 3820], *вертун* [Там же, № 1025], *вертушка* [Там же, № 3171], *вертех* [Там же, № 374], *первертенок*, *первертушечка* [Приходько 2014, 288], а также широко распространенные *трепач*, *трепало* и др., все содержат элемент осуждения.

⁶ Гипотезы о происхождении лексемы *матаня* см. также: [Скитова 1978, 12; Галахов 1991, 119–126], там же указаны предшествующие работы.

и это может говорить о его вторичности. Кроме того, другого прецедента, когда собственное имя переходило бы в нарицательное и становилось наименованием типа персонажа в жанре, нам неизвестно.

В эту группу можно отнести и названия, которые при своем возникновении включали в семантику элемент сексуальности — *ягодинка* (см.: [Некрылова 2025]) и, вероятно, *дроля*. *Дроля* — слово неясной этимологии, по мнению лингвистов, относящееся, видимо, к «ранним образованиям», в сербохорватском языке одно из его значений — «потаскуха, шлюха, проститутка» [ЭС, 125]⁷. К этому же корню некоторые относят украинское диал. «друляти, дру́лити» ‘пихать, толкать’ [Там же, 135].

Игровой характер, по нашему мнению, имеет название возлюбленного *прихехе*, возникшее, видимо, как имитация смеха⁸. Ср.: *Хадил гожим — ихахакал, / Вынул жребий — и заплакал* [Елеонская 1914, № 4349].

Толкованию некоторых наименований, как содержащих значение непостоянства в отношениях, соответствует содержание частушек: выбор ухажера и в связи с этим перебирание возможных вариантов, вмешательство в отношения соперницы, измена того или другого и поиск нового ухажера — типичные сюжетные ситуации в жанре. Добрачные отношения допускали свободу выбора и перемену партнера в отношениях, что отразилось в частушке: «*Не ходите, девки, замуж, / Замужем-то каково: / Не дадут другого милого — / Гляди на одного*» [БРФ, № 282] и в многочисленных частушках, девичьих и мужских, о смене ухажеров, например: «*Одна песенка припелась, / Я другую запою. / Этот милый пригляделся, — / Я другого полюблю*» [Там же, № 4129]; также см.: [Там же, № 4120–4164, 4299–4305].

Однако многократная перемена партнера вызывала осуждение.

Итак, наименования в частушках *любимого* содержат не только обозначение лица, но и его характеристику, отражают разные нюансы в молодежных добрачных отношениях, т. е. являются содержательно насыщенными и позволяют экономить поэтическое место в тексте, соответствуя природе миниатюры. Как заметил В. Г. Судаков, «...наименования чаще были однословными. <...> Составные наименования содержали описательную характеристику <...>, усиливая образность и выразительность: “*Милый мой, моя отрада...*”» [Судаков 2016, 114]. Частушка, являющаяся обращением к возлюбленному(-ой), может расширять поэтическую площадь, обходясь и без называния адресата, поскольку он понятен по контексту, а в живом исполнении по ситуации:

За твои за черны глазки
Дома держат на привязке:
Только ходу молодой —
На колодец за водой
[БРФ, № 42].

Не сидевши, не любивши,
Поясочка просите⁹.
Посидите, полюбите —
По четыре снесите
[Елеонская 1914, 629].

Номинация самого лирического героя, являющегося адресантом или повествователем, в частушке встречается много реже, чем возлюбленного, что обусловлено спецификой жанра. Поскольку частушка в большинстве своем лирический монолог, включенный в коммуникативное общение, то необходимости обозначать произносящего речь в ней нет, и по-

⁷ На это обратил внимание В. Г. Судаков [Судаков 2016, 116].

⁸ В словаре М. Фасмера указывается, что *прихехе* «предположительно преобразовано от *прихвостень* <...> с междометием *хе, хе! хи, ху!* (хихикать), и сопоставляются с *хахаль*, просторечное *любовник* — от *ха-ха*» [Фасмер, ч. 11]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/etimologicheskij-slovar-russkogo-jazyka-fasmer/> (дата обращения: 18.11.2024).

⁹ В крестьянской молодежной культуре начала XX в. дарение пояса, как и носового платочка, носило этикетный характер и означало признание в особых чувствах, см.: [Корепова 2009].

тому, в отличие от традиционной песни, где в описательной или повествовательной части обозначается в любовных отношениях пара действующих лиц (молодец и девица), в частушке обычно происходит номинация лишь возлюбленного, номинация с позиции лирического героя.

Номинация лирического героя присутствует там, где герой, чаще героиня, рассказывает о себе, презентует себя, т. е. адресант речи называет себя сам, а это вносит некоторые ограничения в содержание номинаций, хотя общий характер остается тот же, что и при номинации возлюбленного.

Презентация самого себя выражается местоимением «я», но бессодержательное «я» насыщается дополнительной информацией: герой сообщает о принадлежности его к определенной половозрастной и социальной группе и говорит как бы от ее лица. Для этого используется лексика, соответствующая песенным *девица* и *молодец*, но другого стилистического плана: *парень*, *девушка* и (или) *мальчик*, *девочка* (*девчонка*, *девчата* и другие дериваты), — последние лексемы получили распространение в низовой городской культуре с 1920-х гг. как синонимы первой пары. Лексемы имели, кроме гендерного, переносное значение: «...молодой человек и девушка, достигшие брачного возраста, но еще не вступившие в брак» [Ефремова 2000, *девушка*, знач. 1; *парень*], в этом значении они употребляются в частушках. В сборнике, включающем записи начала XX в. [Елеонская 1914], преобладают первичные — *парень*, *девушка*, в нижегородских конца 1920–1930-х гг. чаще встречаются *мальчик* и *девочка*. Девушка говорит о себе: «*Чем я мальчику не пара? / Девочка веселая?*» [Тимин, № 184]; «*Я никем не дорожу, / Молоденька девчоночка*» [Там же, № 225]; «*Я, молоденька девчонка, / На любовь задорная*» [Там же, № 224]; «*Я пою, пою, девчоночка, / Пою перед бедой...*» [БРФ, № 395]. В мужских частушках: «*Под окошком сидят бабы, судят мальчика меня...*» [Тимин, № 3696]; «*Чем я, мальчик, не сиротка?*» [Там же, № 3953]; «*Проводите,*

девушки, мальчика забритого» [Там же, № 4016]; «*Хулиган мальчишка я, / Головушка отпечтая*» [Там же, 3719] и др.

Уточняющие наименования выражаются существительными с уменьшитель-но-ласкательным (*девчоночка*) или пренебрежительным (*девчонка*, *мальчишка*) значением, но примененные к самому себе они отчасти теряют это значение, сохраняя общий эмоциональный тон, что соответствует лирическому характеру частушки.

Наименования *девушка*, *парень* и *девочка*, *мальчик* (в ед. и мн. ч.) используются также в назывании лирическим героем противоположной ему гендерной группы и отдельных ее представителей, потенциальных возлюбленных: «*Не девчонки увлекают / — Завлекают мальчишки*» [Тимин, № 291]; «*Два мальчишка припевали / — Мое сердце тешили*» [Там же, 293]; «*Научи меня, товарищ, / Как с девчонками гулять*» [Там же, № 3073]; «*За рекой девка гуляла, / Мне понравилась — кудрява!*» [Там же, № 3082], «*Мне не надо девок много — / Мне одну хорошую*» [Там же, № 3072]. Используются данные наименования в немногочисленных повествовательных частушках от третьего лица: «*На горочке сосеночка, / Подмывши корешок. / В молоденьку девчоночку / Влюбившись парнешок*» [Елеонская 1914, № 437].

Эти номинанты возникли вне жанра, пришли в частушку из бытовой коммуникации, там не наделены дополнительным содержанием и, возможно, поэтому в частушке вызвали потребность в большом количестве уточняющих определений. Например, в нижегородском собрании частушек первой трети XX в. круг эпитетов, сопровождающих наименование героини *девочка* (*девка*, *девчонка*), данных как самой героиней, так и ей со стороны, насчитывает более 30 лексем. Она *красна*, *дорогая*, *хорошая*, *молоденька*, *непожененная*, *невинная*, *несмелая*, *незанятая*, *глупая*, *умница*, *русая*, *кудрявая*, *чернобровая*, *красива*, *некрасива*, *печальная*, *веселая*, *резвушка*, *бойкая* и *не из бойких*, *бедовая*, *боевая*, *хлесточка*, *фartовая*,

уважительна, гордая, верчена, разгульная, измененная, подлая, а в частушках с общественно-политическим содержанием еще беспартийная и комсомолочка. К лексеме *мальчик(и)* тоже более 30 характеристик: (*рас*)хороший, завлекательный, интересный, красивый, чернобровенький, белого лица, бледный, бравый, фатовый, форсистый, несмелый, смел, уважительный, молоденький, холостой/неженатый, бедный, (*раз*)веселый, угрюм, ближний, разнесчастный, хитрый, плохой, дрянй, подлец, хулиган, шарлатан, а также беспартийный, ударник и др. В то же время к исконно частушечному *залётка* лишь 9 эпитетов, столько же и к наименованию *шура* (в значении *возлюбленный*), к *матане* — 6, хотя все в собрании Тимина одинаково частотны и в структуре «сюжета» выполняют одну функцию. К *миленку* и *милому*, во много раз более частотным, чем *мальчик*, к обоим вместе 13 эпитетов.

Сходным образом даются номинанты второстепенным персонажам¹⁰. Номинация второстепенных персонажей в частушках не стала еще предметом изучения, хотя задача для исследования выдвигалась [Климова 2013б, 36]. Между тем для изучения семантической нагруженности лирической миниатюры данный текстовый материал тоже важен. Второстепенные персонажи в сравнении с одним из главных героев — *возлюбленным* или *возлюбленной* — имеют меньше номинант-синонимов. Наибольшее число синонимов отмечено у номинанта *соперница*. В просмотренных материалах встретилось 7 наименований данного персонажа, заимствованных из разных стилистических слоев языка: лексема литературного языка *соперница*, разговорно-сниженные *супостатка* и *супротивница*, просторечная *злодейка*, народно-поэтическая *лиходейка* и, вероятно, жанровые неологизмы *перебеечка* (от

перебивать = отбивать: «возбуждать в ком-либо любовь к себе, заставляя разлюбить другого» [Ефремова 2000, *перебеечка*, знач. II, разг.]) и *подбирушка* (от *подбираться*: «всякими обходными путями добиваться чьего-либо расположения, доверия» [Ефремова 1996, *подбирушка*, знач. 2 *перен. разг.*]): «Ты подружка — п о д б и р у ш к а, / Подбираешься к дружку...» [БРФ, № 1571]. Два последних номинанта в словаре диалектов отмечены только по текстам частушек [СРНГ 26 *перебеечка*, 27 *подбирушка*, знач. 4]. Таким образом, синонимы при общем значении *соперница* имеют семантические оттенки и, называя персонаж, характеризуют его с разных сторон, кроме того, отражают отношение к называемому лицу адресанта речи, а наименования собственно частушечные (*перебеечка*, *подбирушка*), будучи отглагольными (также просторечное *злодейка* и народно-поэтическое *лиходейка*), содержат еще семантику действия, в результате в сжатом виде представляют «сюжет» текста и являются, следовательно, наиболее семантически нагруженными.

У других второстепенных персонажей (*подруга*, *товарищ*; *родители*; *женатые/замужние*) синонимов меньше: *товарищ*, *друг*; *бабы*, *тетки*; пришедшие из непоэтической речи синонимы родства: *отец*, *тятя*, *батя*, *батьюшка* и т. п.; *мать*, *мама*, *матушка* и т. п. Но и в этой группе при отсутствии у номинанта разнокоренных синонимов, малом их числе или эмоциональной нейтральности (*тетки*, *бабы*, *весь народ*; *батя*, *тятя*) используются различные способы для семантической нагрузки наименований. Эмоциональный характер придается этим же наименованиям суффиксами, уменьшительно-ласкательными и уменьшительно-пренебрежительным -к (*подруга* — *подружка* — *подруженька*, *товарка* — *товарочка*); лирический по-

¹⁰ Группа второстепенных героев включает следующие типы: 1) *подруга*, соответственно в другой гендерной разновидности — *товарищ*; 2) *соперница*, персонаж, создающий любовный треугольник; 3) *отец*, *мать* (*родители*), противостоящие лирическим героям; 4) женатые, замужние (*бабы*, *старик*, *односельчане*), противостоящие всей молодежи. У каждого есть своя роль, свои функции в сюжетно-композиционной структуре жанра. Кроме того, есть персонажный фон у главных героев — молодежь их половозрастной группы: *девки* (*девушки*) и *парни*.

тенциал жанра реализуется также через эмоциональные дериваты основного наименования. Например, персонаж *мать* в частушках именуется *мама*, *маме(ы)нька* («*Мамынька не охай-ка, / Сердечка не полохай-ка...*» [БРФ, № 97]), *мамашенька* («*Не ругай, мамашенька, / Погоди малёшенько...*» [Там же, № 94]), *мамашица* («*Ругат меня мамашица / За вольную за волюшку...*» [Там же, № 54]), *мать* («*Интересная кака / Мать у ягодиночки...*» [Там же, № 121]), *матерь* («*Ой, залётка дорогой, / Скажи матери своей...*» [Там же, 114]), *матка* («*У милого матка — бес: / Перебирает всех невест...*» [Там же, № 119]), *мамка* («*Меня мамка не жалела, / В чужи люди отдала...*» [Там же, № 211]). Дополнительные лексические средства используются в форме эмоционального эпитета *родная/родимая(-ый, -ые)* и выразительных экспрессивных определений-приложений: *бабы-сплѣхи* (сплетницы), *родители-губители*, *мать-лиходейщица* (лиходейщина), *злодейка*: «*Мы с милёночком на лавочке / Сидели, плакали, / А родители-губители / Другую сватали*» [Тимин, № 2805]. Лексема *родимые* используется еще как субстантиват для замены основного номинанта.

Для номинации второстепенных героев показательны обозначения *подруги* в девичьих частушках и *товарища* в мужских. Эти образы занимают важное место в системе персонажей жанра. Первый, возможно в силу преобладания девичьих частушек, больше разработан, поэтому будем обращаться в основном к нему. Персонаж *подруга* выполняет несколько функций в структуре текста. *Подруга* бывает: 1) двойником лирической героини (эта роль отражена в устойчивых словосочетаниях *мы с подружкой*, *мы с товарочкой вдвоем*, в мужском тексте *мы с товарищем*); 2) *помощницей*, *доверенным лицом* и выполняет роль посредницы в общении с возлюбленным («*Дай, подруга, карандаш, / Напишу — ты передашь...*; *Дорогая ты подруга, / Погляди за миленьким...*»); 3) может быть *советницей*, к которой героиня обращается с вопросом,

просьбой («*Подруженька дорогая, расскажи...; Посоветуйте, товароньки...*»). Может быть обратная ситуация, и подруги меняются ролями; 4) иногда подруга становится *соперницей*, в той же роли оказывается товарищ («*Ты сыграй-ка мне, товарищ, / А я тебе припою, / А я тебе припою: / Ты зачем отбил мою?*» [Тимин, № 3506]). Но при значимости образа вариантов наименований, кроме *подруга* — *товарка*, *товарищ* — *друг* и субстантивата *задушевная(ый)* («*Задушевная, по дroleчке / Не вешай голову...*» [БРФ, № 1389] и «*Задушевный мой женился, / Я спросил, какая жизнь. / Задушевный мне ответил: / "Погоди, не торопись"*» [Тимин, № 3622]).

Дополнительные значения, усиливающие семантику номинанта, придающие эмоциональную окраску, а также индивидуализирующие персонажа, здесь представлены в эпитетах, достаточно многочисленных: в нижегородском собрании Тимина к номинанту *подруга* их более 20. Половина из них оценивают отношение героини к подруге и имеют общую семантику *дорогая: милая, (раз)любезная, дорогая, лучшая, любимая*, — все они являются в жанре постоянными и так же используются при оценке возлюбленного. Отражена в эпитетах функция подруги как соперницы: она, кроме *подметушки* и *подбирушки*, лексемах, выражающих соперничество, еще *подлая, лихая, лиходейка, ветряная мельница*, т. е. определения дают общую нравственную оценку ее поведению. Особенности частушки как жанра с индивидуализацией персонажей проявились в эпитетах, характеризующих качества подруги, внешние (*завлекательная, ненаглядная, ягодка*) и поведенческие (*угрюмая, форсистая, егоза, стрекоза, буржучка*), а также в отношениях к ней (*задушевная, тайная*). Эпитетов к соответствующему мужскому персонажу (*товарищу*) меньше: в собрании Тимина всего пять.

При использовании эпитетов не происходит экономии площади, как при номинации путем субстантивации, способ концентрации содержания здесь иной.

Он сходен с выбором семантически насыщенного номинанта-существительного.

Итак, номинации персонажей в частушке как жанре-миниатюре отличаются особой поэтической нагруженностью. В наименовании персонажа, помимо собственно называния, присутствует обычно дополнительная информация и эмоционально-оценочный элемент. Дополнительная информация касается портрета персонажа: *чернобровый, черноглазый, белянка, серенькие глазки, синие рубашки, черные фуражки*, — общей оцен-

ки внешнего вида: *ненаглядный, красотка*, иногда социального положения (*серые шинели*) и поведения. Особенно разнообразно представлена эмоционально-оценочная характеристика. Семантическая нагруженность наименований создается использованием выразительных средств языка: семантически нагруженной лексикой различных стилистических слоев, эллиптической субстантивацией различных частей речи, деривацией, синонимическим многообразием, а также с помощью эпитетов.

Источники и материалы

БРФ — Частушки / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1990. (Б-ка русского фольклора; Т. 9).

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / [Вступ. ст. А. М. Бабкина]. М.: ГИС, 1955.

Елеонская 1914 — Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М.: Изд. Комиссии по народной словесности при Этнографическом отд. ИОЛЕАиЭ, 1914.

Ефремова 1996 — *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Рус. яз., 1996.

Ефремова 2000 — *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000.

Зеленин 1905 — *Зеленин Д. К.* Сборник частушек Новгородской области: (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского) // Этнографическое обозрение. 1905. № 2–3. С. 164–320.

Симаков 1913 — *Симаков В. И.* Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. С приложением нот и подробного библиографического указателя литературы. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1913.

СРНГ 1982 — Словарь русских народных говоров. Вып. 18 / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1982; Вып. 26 / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, 1991; Вып. 27 / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1992.

Тимин — Частушки 1920–1930-х годов. Собрание И. И. Тимина / Сост., вступ. ст., коммент. и указатели К. Е. Кореповой. Н. Новгород (в печати).

Традиционная культура Усть-Цильмы — Традиционная культура Усть-Цильмы. Лири-

ческие песни: Науч. изд. / Сост. Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров, А. Ю. Кастров, З. Н. Мехреньгина, Ю. И. Марченко, Е. А. Шевченко. М.: ГРЦНТ, 2008.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986.

ЭС — Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) / Под ред. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. Вып. 5. М.: Наука, 1978.

Исследования

Бернштам 1988 — *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX в. — начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988.

Галахов 1991 — *Галахов В. К.* «Я матаню полюбил...» // Русская речь. 1991. № 3. С. 119–125.

Горелов 1965 — *Горелов А. А.* Русская частушка в записях советского времени // Частушка в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов. М.; Л.: Наука, 1965. С. 5–27.

Гурская 2009 — *Гурская С. Л.* Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1. С. 171–175.

Зырянов 1974 — *Зырянов И. В.* Поэтика русской частушки: (Учеб. пособие). Пермь: ПГПИ, 1974.

Квятковский 1962 — *Квятковский А.* Ритмология народной частушки // Русская литература. 1962. № 2. С. 92–116.

Климкова 2013а — *Климкова Л. А.* Нижегородская частушка: лексический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 94–97.

Климкова 2013б — *Климкова Л. А.* Нижегородские частушки: сильные текстовые по-

зиции // Приволжский научный вестник. 2013. Т. 2. № 8 (24). С. 28–36.

Колпакова 1966 — Колпакова Н. П. Типы народных частушек // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 10: Специфика фольклорных жанров. М.; Л.: Наука, 1966. С. 266–288.

Корепова 2010 — Корепова К. Е. Платок в крестьянской молодежной субкультуре и частушке // Труды конф. «Покровские дни» (Н. Новгород, 10–11 октября 2009 г.). Вып. 1. Н. Новгород, 2010. С. 5–17.

Кротова 1978 — Кротова В. Н. Как называют любимых // Русская речь. 1978. № 4. С. 80–83.

Кулагина 2000 — Кулагина А. В. Поэтический мир частушки. М.: Наука, 2000.

Лазутин 1960 — Лазутин С. Г. Русская частушка. Вопросы происхождения и формирования жанра. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1960.

Лазутин 1981 — Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. М.: Высш. шк., 1981.

Некрылова 2024 — Некрылова А. Ф. Почему «милый» в частушках называется «ягодиночка» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2024. № 4. С. 7–20.

Приходько 2014 — Приходько В. К. Семантическая группа «любовь» в русских говорах Приамурья // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 8. С. 281–293.

Скитова 1978 — Скитова Ф. Л. Слово *матаня* в словарном запасе жителей Перми: (К вопросу о взаимодействии диалектной и общерусской лексики) // Живое слово в русской речи Прикамья: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1978. С. 3–12.

Судаков 2016 — Судаков В. Г. Название любимого человека в вологодских частушках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 6. С. 111–120.

© К. Е. Корепова, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корепова К. Е. <https://orcid.org/0000-0002-1837-3353>

Доктор филологических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23; тел.: +7 (831) 433-82-45; e-mail: korvic@list

The Naming of Characters in Chastushki

Klara Ev. Korepova

(National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod: 23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation)

Summary. *A chastushka or ditty is a lyrical miniature. Its small form leads to a concentration of poetic content, the density of the poetic word. The phenomenon of a chastushka as a miniature at all levels of the genre has not yet been well comprehended. In this article the problem is considered at the level of vocabulary. The semantics of names in the chastushka is dictated by the lyrical nature of the genre and the fact that the chastushka often reflects the interpersonal relationships of young people in the premarital period of their lives. The name designates not only a particular person but may also partially reflect his or her characteristics and emotional state. The methods of naming and grammatical means are determined by the small form of the genre.*

The name of a beloved character is expressed by a noun denoting a person, either semantically associated with the word “beloved” (liubimyi), or with a lexeme that does not have the semantics of a person but occasionally replaces one — a metaphor or metonymy and synecdoche, represented by nouns, most often substantivates. Metonymic substitutions always imply an ellipsis or truncation of the text. The author proposes a classification of these appellations by the

way they reflect relationships between characters. In some cases, the identification of semantic groups allows one to make assumptions regarding their etymology.

Since the chastushka is predominantly a monologue, naming of the lyrical hero is not typical and is present only when the hero explicitly presents him or herself. Self-presentation is expressed by the pronoun “I” although a chastushka is saturated with information about this person — about gender, age and social group, for which corresponding vocabulary of a particular style is used. Names having arisen outside the genre do not suggest additional information, and therefore, perhaps, give rise to the need for a large number of clarifications within the work. When using epithets, there is no economy of space; as with substantiation, the method of concentration of the content here is different. Minor characters are named in a similar manner.

Key words: chastushka, lyrical miniature, ditty, character, naming, semantic load.

Received: October 23, 2024.

Date of publication: March 25, 2025.

For citation: Korepova K. E. The Naming of Characters in Chastushki. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 1. Pp. 11–26. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.1.001>

References

- Bernshtam T. A.** (1988) Molodezh' v obryadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX v. — nachala XX v.: polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury [Youth in the Ritual Life of the Russian Community of the Nineteenth — Early Twentieth Century: Gender and Age in Traditional Culture]. Leningrad: Nauka. In Russian.
- Galakhov V. K.** (1978) “Ya matanyu polyubil...” [“I fell in love with matanya...”]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. 1991. No. 3. Pp. 119–125. In Russian.
- Gorelov A. A.** (1965) Russkaya chastushka v zapisyakh sovetskogo vremeni [The Russian Chastushka in Soviet-Era Recordings]. In: Chastushka v zapisyakh sovetskogo vremeni [Chastushkain Soviet-era recordings]. Ed. by Z. I. Vlasova, A. A. Gorelov. Moscow; Leningrad: Nauka. Pp. 5–27. In Russian.
- Gurskaya S. L.** (2009) Imena sushchestvitel'nye obshchego roda, nazyvayushchie lyubimogo cheloveka v yaroslavskikh govorakh [Common Gender Nouns Naming a Loved One in Yaroslavl Dialects]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2009. No. 1. Pp. 171–175. In Russian.
- Klimkova L. A.** (2013) Nizhegorodskaya chastushka: leksicheskii aspekt [The Nizhny Novgorod Chastushka: The Lexical Aspect]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2013. No. 6 (2). Pp. 94–97. In Russian.
- Klimkova L. A.** (2013) Nizhegorodskie chastushki: sil'nye tekstovye pozitsii [Nizhny Novgorod Chastushki: Strong Textual Positions]. *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Privolzhsky Scientific Bulletin]. 2013. Vol. 2. No. 8 (24). Pp. 28–36. In Russian.
- Kolpakova N. P.** (1966) Tipy narodnykh chastushek [Types of Folk Chastushki]. In: Spetsifika fol'klornykh zhanrov: Russkii fol'klor [The Specifics of Folklore Genres: Russian Folklore]. Vol. X. Moscow; Leningrad: Nauka. Pp. 266–288. In Russian.
- Korepova K. E.** (2010) Platok v krest'yanskoi molodezhnoi subkul'ture i chastushke [The Headscarf in Peasant Youth Subculture and Chastushka]. In: Trudy konferentsii “Pokrovskie dni” (N. Novgorod, 10–11 oktyabrya 2009 g.) [Proceedings of the Conference “Pokrovskie Days” (N. Novgorod, October 10–11, 2009)]. Iss. 1. N. Novgorod. Pp. 5–17. In Russian.
- Kretova V. N.** (1978) Kak nazyvayut lyubimykh [What Do You Call Your Loved Ones]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. 1978. No. 4. Pp. 80–83. In Russian.
- Kulagina A. V.** (2000) Poeticheskii mir chastushki [The Poetic World of the Chastushka]. Moscow: Nauka. In Russian.
- Kvyatkovskii A.** (1962) Ritmologiya narodnoi chastushki [Rhythmology of the Folk Chastushka]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1962. No. 2. Pp. 92–116. In Russian.
- Lazutin S. G.** (1960) Russkaya chastushka. Voprosy proiskhozhdeniya i formirovaniya zhanra [The Russian Chastushka. Questions of the Origin and Formation of the Genre]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta. In Russian.
- Lazutin S. G.** (1981) Poetika russkogo fol'klora [Poetics of Russian Folklore]. Moscow: Vyssh. shkola. In Russian.

Nekrylova A. F. (2024) Pochemu “milyi” v chastushkakh nazyvaetsya “yagodinokhko” [Why Is “Darling” Called “Yagodinokhka” in Chastushki]. *Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal* [Palimpsest. Literary Journal]. 2024. No. 4. Pp. 7–20. In Russian.

Prikhod'ko V. K. (2014) Semanticheskaya gruppа “lyubov” v russkikh govorakh Priamur'ya [The Semantic Group “Love” in Russian Dialects of the Amur Region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University]. 2014. No. 8. Pp. 281–293. In Russian.

Skitova F. L. (1978) Slovo *matanya* v slovarnom zapase zhitelei Permi (K voprosu o vzaimodeistvii dialektnoi i obshcherusskoi leksiki) [The Word *Matanya* in the Vocabulary of Perm Residents (On the Interaction of Dialectal and

Common Russian Vocabulary)]. In: Zhivoe slovo v russkoi rechi Prikam'ya. Mezhevuz. sb. nauch. trudov [The Living Word in Russian Speech of the Kama Region. Inter-University Collection of Scholarly Works]. Perm': Permskii un-t. Pp. 3–12. In Russian.

Sudakov V. G. (2016) Nazvanie lyubimogo cheloveka v vologodskikh chastushkakh [The Name of a Loved One in Vologda Chastushki]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2016. No. 6. Pp. 111–120. In Russian.

Zyryanov I. V. (1974) Poetika russkoi chastushki (Uchebnoe posobie) [Poetics of the Russian Chastushka (Textbook)]. Perm': PGPI. In Russian.

© K. E. Korepova, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Klara E. Korepova <https://orcid.org/0000-0002-1837-3353>

E-mail: korvic@list.

Tel.: +7 (831) 433-82-45

23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

DSc in Philology, Professor, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)